

Политический кризис в Берлине в ожидании Большой коалиции

Победа Дональда Трампа на президентских выборах в США 5 ноября вызвала в Европе дискуссии о будущем трансатлантических отношений и призывы к укреплению стратегической автономии ЕС.

Позиция нового президента США, партия которого победила также в Сенате и Палате представителей, контрастирует с явной слабостью европейцев. В то время как лидеры европейского популизма празднуют победу Трампа и уже мнят себя его привилегированными собеседниками, в Брюсселе утверждение нового состава Еврокомиссии фон дер Ляйен произошло лишь благодаря парламентским играм; в Париже после досрочных выборов в июне-июле правительство Барнье, хотя и пришло к власти, но находится в шатком положении; в Берлине 6 ноября распалась трёхпартийная правительственная коалиция.

Досрочные выборы в Германии

Ключевой причиной распада коалиции лежат очень разные взгляды её участников на экономическую и фискальную политику, которая была бы способна оживить немецкую экономику, находящуюся в застое с 2022 года и даже испытавшую рецессию в 2023 и 2024 гг. По мнению мюнхенского Института экономических исследований IFO, Германия увязла в кризисе, вызванном структурными факторами, такими как «декарбонизация, цифровизация, демографические изменения, пандемия Covid, шоковые изменения цен на энергоносители и меняющаяся роль Китая в мировой экономике». Эти изменения сказываются на Германии даже больше, чем на других странах, потому что их последствия ощущаются в производственном секторе и, прежде всего, в энергоёмкой промышленности, чей относительный вес в экономике в Германии больше, чем где-либо ещё (IFO *“Konjunkturprognose”*, 5.09.2024). Кризис Volkswagen стал символом этой ситуации, концентрацией всех циклических и структурных факторов стагнации немецкой экономики: концерн угрожает закрыть 3 завода в Германии и уволить до 30 тыс. сотрудников.

Социал-демократы и “Зелёные” выступают за более интервенционистскую промышленную политику, в том числе посредством субсидий, которые помогли бы некоторым ключевым отраслям промышленности осуществить энергетический и цифровой переходы. Либералы из СвДП, напротив, вместо субсидий для нескольких избранных компаний требуют снижения налогов и сокращения бюрократии для всех. Канцлер Олаф Шольц (СДПГ) и министр экономики и проблем климата Роберт Хабек (“Зелёные”) неоднократно заявляли, что, чтобы обеспечить финансовую помощь промышленности, они готовы пересмотреть “долговой тормоз”. Речь идёт о правиле, включённом в Основной закон в 2009 году, которое вводит лимит на бюджетный дефицит на уровне 0,35 % ВВП без учёта циклических эффектов. Министр финансов Кристиан Линднер (СвДП) категорически отвергает их вариант и считает, что, дабы снизить налоговое бремя и стимулировать экономический рост, необходимо сократить социальные расходы.

Когда в конце 2023 года Конституционный суд в Карлсруэ постановил, что перенаправление 60 млрд евро неиспользованной пандемической помощи в фонд климата и переходного периода является неконституционным, никаких бюджетных уловок больше не осталось, и утаивать разногласия внутри коалиции более не было возможным. Поскольку экономическая стагнация продолжалась, опросы предсказывали поражение трём правящим партиям на федеральных выборах, первоначально запланированных на сентябрь следующего года. На этом фоне напряжённость вокруг бюджета на 2025 год достигла своего пика, и 6 ноября канцлер объявил об отставке министра финансов. Так закончила своё существование “светофорная” коалиция, пришедшая в правительство в 2021 году. Досрочные выборы назначены на 23 февраля.

Аромат GroKo

Основной темой предвыборной кампании на текущий момент являются вопросы о долге и экономической политике. Шольц, призывая к реформе долгового тормоза, ссылается на украинскую войну. Хотя ХДС всегда отстаивала это ограничение, в середине ноября

председатель партии Фридрих Мерц заявил о готовности реформировать его при определённых условиях. ХДС/ХСС, согласно опросам, одержит победу на выборах и в этом случае сможет создать Большую коалицию (Grosse Koalition, GroKo), взяв в качестве младшего партнёра СДПГ. *Le Monde* аплодирует отмене «табу» на рост долга, поскольку рассматривает этот запрет как «один из тормозов на пути к перезапуску Старого континента» (16 ноября). Германия, на долю которой приходится около 1/4 ВВП ЕС и которая имеет один из самых низких уровней госдолга (63 % ВВП), явно получит здесь широкие возможности.

Патрик Сен-Поль из *Le Figaro* выражает иную точку зрения, более критичную в отношении Германии. Он резюмирует деятельность Шольца как «три потраченных впусую года для Германии и Европы». Канцлер, который «не упомянул Францию» в своей речи о *Zeitenwende*, «смене эпохи», «понял всё неправильно». Однако, отмечает Сен-Поль, «в отличие от Франции, Германия остаётся управляемой» (13 ноября). Фактически у немецкой буржуазии на руках есть одна карта, которой нет у французской, – это наличие «плана Б», подготовленного на случай падения правительства.

Англо-германское “Соглашение Тринити-Хаус”

Возможно, статья *Le Figaro* отражает напряжённость, сопровождающую изменение стратегических пропорций между Парижем и Берлином, уже проанализированное нами на страницах этой газеты (“Кризис и изменения в рейнской оси”, июль 2024; “Берлин и Париж обсуждают европейское сдерживание”, июнь 2024). Мы писали о том, как Шольц добился значительного прогресса в стратегических вопросах, не поднимая при этом лишнего шума. Германия стала более авторитетной в области сдерживания благодаря своим инициативам по противоракетному щиту (ESSI) и разработке ракет большой дальности с возможностями глубокого нападения (ELSA).

Когда новое правительство Стармера пришло к власти в Лондоне, мы также рассматривали возможность того, что там установится некая линия британского прагматизма по отношению к Европе, которая могла бы привести к возобновлению “Тихого альянса” (“*Stille Allianz*”) между Соединённым Королевством и Германией и перезапустить тем самым трёхстороннюю динамику между Парижем, Лондоном и Берлином. Именно это и произошло 23 октября с подписанием англо-германского соглашения о безопасности, известного как “Соглашение Тринити-Хаус” (“*Trinity House Agreement*”). Уже в конце августа по случаю визита Кира Стармера в Берлин лондонская *The Times* намекнула, что между Соединённым Королевством и Германией ведутся переговоры о новом договоре безопасности, который, по сути, станет аналогом Ланкастерского соглашения между Великобританией и Францией. Газета полагает, что такой англо-германский договор «закрепил бы изменения, вызванные вторжением [России] в Украину, так что Германия превратилась бы в полноценную европейскую военную державу наряду с Францией и Соединённым Королевством» (29 августа).

Национальное или европейское восстановление?

При отсутствии сюрпризов на выборах досрочные выборы в Германии могут превратить кризисную ситуацию в сердце Европы в фактор, который придаст стимул промышленности и изменит баланс в долговом вопросе. Ещё неизвестно, в какой степени этот поворотный момент останется на национальном уровне, а в какой – затронет Европу в целом, как это предполагают рекомендации доклада Драги.

В этой связи внешнеполитический обозреватель *Frankfurter Allgemeine Zeitung* Николас Буссе сформулировал 8 ноября мысль, которая широко распространена среди немецкой буржуазии, но редко высказывается вслух: «Одним из многих изменений, которое должно будет осуществить следующее правительство, является новая европейская политика. Это не означает, что мы должны “укрепить” институты Брюсселя, как мы часто слышим. Еврокомиссия не является правительством. Германия должна вернуться к более активной деятельности в ЕС, и для этого она должна сначала снова стать сильной в политическом, экономическом и, прежде всего, в военном отношении».

ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКИЕ НЕИЗВЕСТНЫЕ

«С возвращением Дональда Трампа в Белый дом Европе придётся вносить всё больший вклад в собственную оборону. [...] Срочно необходимы дискуссии о расширении сотрудничества между вооружёнными силами, в любой форме. Точно так же, как и дискуссия о будущей европейской ядерной стратегии на случай, если Соединённые Штаты отзовут свой ядерный зонтик. Европа медленно пробуждается от глубокого сна».

ngs, редакционная статья от 13 ноября, Голландия.

«Это конец американского цикла – цикла сверхдержавы, открытой и вовлечённой в мир, которая стремилась утвердиться в качестве демократического образца [...]. У европейцев справедливо остались плохие воспоминания о первом сроке Трампа. Второй будет ещё более опасным в условиях, когда на их континенте бушует война [...]. Избиратели Дональда Трампа выбрали его с полной ответственностью [...]. Остальной мир пострадает от этого».

Le Monde, редакционная статья от 7 ноября, Франция.

«Помимо внутреннего структурного кризиса, немецкая экономика сейчас сталкивается с геоэкономическими потрясениями: избрание Дональда Трампа знаменует собой конец глобализации, какой мы её знаем, и немецкая промышленность, сильно ориентированная на экспорт, затронута этим, как никто другой».

Handelsblatt, главный редактор Себастьян Маттес, 8 ноября, Германия.

«В течение четырёх лет [...] у крупнейшего политического и экономического союзника Европы будет президент, движимый собственными интересами и мало обращающий внимания на альянсы. [...] Если Трамп заставит Украину прийти к соглашению с Москвой, [европейцам] придётся иметь дело с зазнавшимся Владимиром Путиным. Им нужно быстро начать брать на себя большую ответственность по защите континента. Европейская экономика должна стать более динамичной и конкурентоспособной и менее зависимой от связей с Вашингтоном и Пекином. [...] Благодаря недавнему 400-страничному докладу Марио Драги у ЕС также есть готовый план по стимулированию роста и конкурентоспособности. [...] Но европейским лидерам придётся найти волю для его реализации и способы выделения дополнительных 800 миллиардов евро в год, рекомендованных Драги».

Financial Times, редакционная статья от 14 ноября, Великобритания.

«Угроза Дональда Трампа ввести 20-процентные пошлины на импорт вызвала призрак торговой войны между Соединёнными Штатами и ЕС, побочный ущерб от которой в конечном итоге затронет и Соединённое Королевство. Тем не менее свобода манёвра, которую даёт Брексит, может оказаться преимуществом. Более тесное сближение с ЕС в некоторых секторах не должно исключать попыток заключения торгового соглашения с США. [...] Во всё более непредсказуемом мире Соединённое Королевство сталкивается не только с рисками, но и с возможностями».

The Times, редакционная статья от 16 ноября, Великобритания.

Ноябрь 2024 г.